

ПРАВИТЕЛЬСТВО КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ
ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук»
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского»
ГБУК КО «Калужский объединенный музей-заповедник»

ВЕЛИКОЕ СТОЯНИЕ НА РЕКЕ УГРЕ И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА: ЛОКАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

*Материалы
Всероссийской с международным участием
научной конференции
(30 марта—1 апреля 2017 г., Калуга)*

КАЛУГА
2017

О т в е т с т в е н н ы е р е д а к т о р ы :

И. Н. Берговская, В. Д. Назаров

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

И. Н. Берговская (отв. редактор), В. А. Бессонов, М. А. Казак,
О. А. Калугин, А. А. Калугина (отв. секретарь), чл.-корр. РАН С. М. Каштанов,
И. Г. Коновалова, С. Ю. Королева (отв. секретарь), В. Д. Назаров (отв. редактор),
чл.-корр. РАН П. Ю. Уваров

В 27 **Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта—1 апреля 2017 г., Калуга) / отв. редакторы И. Н. Берговская, В. Д. Назаров.—Калуга:
Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2017.—416 с.**

ISBN 978-5-905849-69-5

Книга подготовлена по материалам Всероссийской с международным участием научной конференции «Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты», состоявшейся в Калуге 30 марта — 1 апреля 2017 года. В публикуемых статьях представлены исследования различных аспектов развития российского общества и российского государства в последней трети XV века.

Книга будет интересна исследователям, изучающим историю Древней Руси и западноевропейского Средневековья, широкому кругу читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

ISBN 5-905849-69-2

© Авторы, 2017

© Издатель Захаров С. И. («СерНа»). Оформление, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Алексеев А. И. Государство и церковь в эпоху Ивана III	7
Аракчеев В. А. Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV в.	17
Беляков А. В. Татарская знать на службе у Москвы во второй половине XV в.	32
Белякова Е. В. Русский епископат во второй половине XV в. и формирование новой идеологии	49
Бойцов М. А. Что знали при дворе Ивана III о «конституции» Священной Римской империи?	65
Болдин И. В. Летописные города Великого стояния: Любутск. История и археология	86
Бондаренко А. Ф. Великий князь Иван III — основоположник государственного этапа в развитии пушечного и колокольного дела в России	99
Володихин Д. М. Формирование российской военно-политической элиты и воеводы Стояния на Угре 1480 года	118
Горский А. А. «Дает ти Господь победити царя злочестива»: «идеологическая» подготовка к войне с Ахматом	129
Грязнов А. Л. Белозерские князья в годы правления Ивана III	134
Дегтярев А. Я. Преддверие свободы: внешнее и внутреннее положение Русского государства в канун Стояния на Угре	166
Кром М. М. Стояние на Угре и обретение государственного суверенитета Великим княжеством Московским (хронологические, понятийные, внутри- и внешнеполитические аспекты проблемы)	172
Минников Н. А. «На Дон в молодечество»: Поле и запольные реки накануне образования донского казачества	182

Минникова Л. В. Дмитрий Шемяка и итоги династической войны в отечественной историографии	201
Массалитина Г. А. Археологические работы на Опаковом городище	221
Мошкова Л. В. Русские посольские книги: начало формирования	232
Назаров В. Д. Рассказ Вологодско-Пермской летописи о Стоянии на Угре.	251
Папков А. И. Влияние Стояния на Угре на формирование государственной стратегии колонизации южной окраины России	270
Пчелов Е. В. Иван III и формирование государственной символики России в конце XV в.	289
Редин Д. А. Концепция «злочестивого царя» в «Послании на Угру» архиепископа Вассиана и ее вариации в политической мысли допетровской России	298
Рудаков В. Н. Представления о зависимости от Орды в эпоху Стояния на Угре	307
Трапавлов В. В. Большая Орда перед Стоянием на Угре	321
Усачев А. С. Об одной аналогии рассказу о болезни Ивана III в 1503 г.	343
Фролов А. А. Первые писцовые описания на Руси и земельная политика великого князя Ивана III	350
Чернов С. З. Стояние на Угре за гранью видимых событий	360
Чеченков П. В. Нижегородские служилые люди эпохи Стояния на реке Угре	367
Шеков А. В. Верховские князья и их владения во времена походов хана Ахмата на Русь	381
Эскин Ю. М. Местничество в военных кампаниях второй половины XV в.	405
Список сокращений	111
Авторы и члены редакционной коллегии	413

Предисловие

Издание, предлагаемое вниманию читателей, подготовлено по материалам Всероссийской с международным участием научной конференции «Великое стояние на реке Угре и формирование Российской централизованного государства: локальные и глобальные контексты».

Конференция состоялась 30 марта — 1 апреля 2017 г. в Калуге. В ее работе приняли участие признанные специалисты по истории Древней Руси и западноевропейского средневековья. Это авторитетные ученые (историки, филологи) из ведущих научно-исследовательских учреждений и университетов России и зарубежья: Институт всеобщей истории Российской академии наук, Институт российской истории Российской академии наук, Институт славяноведения Российской академии наук, Уральское отделение Российской академии наук, Российская национальная библиотека, Российский государственный архив древних актов, МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО(У), Санкт-Петербургский государственный университет, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Южный федеральный университет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российский государственный гуманитарный университет, РАНХиГС при Президенте России, Воронежский государственный университет, Государственный академический университет гуманитарных наук, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, а также Калифорнийский университет, Тартуский университет.

Особенностью конференции было сочетание широких дискуссий на пленарном заседании и в ходе работы тематических секций и круглого стола. Последние охватили едва ли не все стороны жизни российского общества и Российского государства в последней трети XV в. Секция «Это место» была посвящена проблемам археологического изучения летописных городов

ЧТО ЗНАЛИ ПРИ ДВОРЕ ИВАНА III О «КОНСТИТУЦИИ» СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ?

Повторный приезд Николая Поппеля в Москву в 1489 г. и неожиданные предложения, с которыми он обратился к великому князю Ивану III, заставили московский двор присмотреться к политическому устройству Священной Римской империи. Для этого понадобилась помочь неизвестного эксперта, который, однако, не всегда был точен в своих комментариях. Для легитимации московского правителя в глазах германского императора была создана теория об исконном «братьстве» между московскими князьями и римско-византийскими императорами. Ключевую роль в ней наряду с «историческими» сведениями из «Константина дара» играла женитьба Иоанна VIII Палеолога на московской княжне Анне Васильевне.

Nikolai Poppel's second visit to Moscow in 1489 and the unexpected proposals that he addressed to Grand Duke Ivan III encouraged the Moscow court to examine the political structure of the Holy Roman Empire. This required the help of an unknown expert, who, however, was not always accurate in his comments. To legitimize the Moscow ruler in the eyes of the German emperor, a theory was elaborated about the primordial «brotherhood» between the Moscow dynasty and the Roman-Byzantine emperors. The crucial point in it, along with some «historical» dates from the *Donation of Constantine*, was that of the marriage of John VIII Palaiologos with the princess Anna Vasilievna of Moscow.

Обретение Московским княжеством независимости в 1480 г.,
естественно, вело к тому, что связи двора великого князя с дворами

других правителей должны были существенно расширяться и качественно изменяться¹.

Первое место в иерархии европейских государей принадлежало по традиции императорам Священной Римской империи. Она была крупнейшей державой в Европе, о размерах которой и особенностях отдельных регионов даже ее правители имели, должно быть, лишь смутное представление. Империя являлась весьма сложным политическим образованием, далеким от централизованной монархии, а воля императора могла эффективно реализоваться только при согласии значительной части князей, городов и других имперских или местных чинов. Тем не менее завязывание посольских связей между московским двором и двором императорским сулило обеим сторонам немало преимуществ — как символического, так и вполне осязаемого свойства.

Как хорошо известно, первый контакт между двумя дворами состоялся при обстоятельствах случайных, сомнительных и почти анекдотических. В 1486 г. (если вместе со всеми поверить дате, введенной Н. М. Карамзиным, — хотя резоннее, кажется, было бы предположить, что дело было в 1487 г.²) в Москву прибыл Николай Поппель (фон Поплау) (1443—1490/1494) — образованный выходец из состоятельного и влиятельного семейства, укорененного в «столице» Силезии городе Бреслау (ныне польском Вроцлаве) [13]. Держался он как человек благородный, хотя рыцарское звание получил лишь совсем недавно, в ходе своих странствий 1483—1486 гг. [11, S. 293—294]. За три года неугомонный силезец объездил чуть ли не всю Европу и побывал при многих княжеских и королевских дворах. Там этого странствующего рыцаря обычно встречали весьма любезно, видимо даже не подозревая, что атлетически сложенный

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «“Центры” и “периферии” в средневековой Европе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 году.

² Тем более что 4 сентября 1486 г., едва успев вернуться из одного путешествия — на запад, — Поппель, готовясь к следующему, — на восток — переделывает свое завещание, явившись перед членами совета родного города Бреслау [9, S. 15]. А ведь ему еще требовалось время на отдых и сборы. Кроме того, если он рассчитывал на хороший санный путь, следовало дождаться как минимум конца ноября, а то и декабря. Вряд ли Поппель мог добраться до Москвы ранее января 1487 г., а учитывая еще планировавшуюся им поездку по Чехии и Польше, следует накинуть на дорогу еще месяц-другой. Однако вряд ли больше: ведь в январе 1489 г. он сам говорит, что его прошлый визит в Москву был два года назад.

воин, достигший выдающихся успехов в турнирном искусстве, мог быть всего лишь бюргером, пускай и принадлежавшим к городскому патрициату. Умение Поппеля при необходимости произнести приветственную речь на латыни тоже способствовало уважительному отношению к нему.

Однако по-настоящему потрясал Поппель своим мастерством не придворных гуманистов, а любителей турнирных ристаний. Он владел какой-то особой техникой, позволяющей ему эффективно обращаться с копьем такой длины и такого веса (и, соответственно, ударной силы), на которое другим рыцарям и смотреть-то было тяжело, не то что его поднимать. Когда Поппель вместе с оруженосцем, всюду возившим за ним в отдельной повозке его чудовищное копье, появлялся при каком-либо очередном дворе, заинтересованное внимание местной знати было ему обеспечено. Некоторые князья или, во всяком случае, их молодые отпрыски, даже брали у Поппеля тайком уроки рыцарского мастерства, пытаясь освоить его уникальные приемы.

Широкая спортивная слава не уберегла Поппеля от неприятностей: с ним не очень ласково обошлись при португальском дворе, а во Франции приняли за шпиона и даже отправили на какое-то время в тюрьму. Свои приключения в этом путешествии Поппель описал в заметках, которые дошли до нас, к сожалению, лишь в одном, к тому же позднем, списке [15]. И уж совсем печально, что не обнаружено до сих пор даже следов записок, которые Поппель мог вести во время своих следующих путешествий: сначала в Чехию, Польшу и Московию, а два года спустя через Ливонию в Московию, Швецию и Данию.

В эти странствия он отправлялся, надо полагать, уже без копья, поскольку вряд ли ожидал встретить в Москве знатоков и ценителей рыцарских турниров. О том, что в 1486 г. (или все же в 1487 г.?) в Москве его (вместе с двумя слугами) приняли неласково и с недоверием отнеслись к представленной им грамоте от имени императора Фридриха III, известно с его собственных слов [3, стб. 5]. Дел у него к великому князю на самом деле никаких не было, да он потом и не скрывал туристических целей своей первой поездки³. Вернувшись из нее в 1487 г. в Германию, Поппель, по его словам, поехал к императору в Нюрнберг и якобы чуть ли не каждый день

³ «<...> я хотел познать твою милость, яко Государя Великого, и твою землю дозрети, яко ж я и ины государи познал и их земель смотрел через все христианские земли» [3, стб. 5].

за обедом рассказывал ему о Московии, причем и другие «княжата» задавали ему много вопросов. В результате Фридрих III направил его снова к великому князю, хотя посол и пытался было отказываться, да еще к тому же и лежал больным пятнадцать недель кряду. Все же в конце концов Фридрих дал достаточно денег и для лечения, и на посольство, и вот наконец Поппель покинул Нюрнберг, чтобы отправиться к великому князю. [3, стб. 2–4].

Внешние приметы из этого рассказа совпадают с обстоятельствами 1487 г. Действительно, в тот год Фридрих III жил в Нюрнберге около 9 месяцев — с марта [16, Н. 15, № 399; Н. 26, № 763] до середины декабря [16, Н. 11, № 619] и провел там большое имперское собрание. Оно началось в последние дни марта и закончилось около середины июля — и именно тогда Поппелью проще всего было нарваться на расспросы всевозможных «княжат». Однако в 1488 г. император, похоже, даже проездом не бывал в городе на Пегнице. Куда же из рассказа Поппеля пропал целый год?

Сколько бы ни было в его объяснениях разного рода прикрас и умолчаний, во второй раз — в самом начале 1489 г. — Поппеля принимали в Москве куда ласковее, хотя его многословные речения (записывавшиеся порой дьяком Федором Курицыным собственно-ручно, понимавшим Поппеля без толмача [3, стб. 10]) оставляют у сегодняшнего читателя впечатление изрядной хлестаковщины. Императорская верительная грамота, которую Поппель на этот раз привез с собой, похоже, не вызвала сомнений даже у подозрительных бояр Ивана III, не говоря уже о позднейших историках.

Между тем могла бы. Фридрих III якобы подписал ее в Ульме 26 декабря 1488 г. [3, стб. 1]. Итinerарий императора, однако, показывает, что Рождество и Новый год он в тот самый год (в отличие, например, от 1486 г.) встречал вовсе не в Ульме, а в Инсбруке [16, Н. 1, № 142; Н. 4 № 988–989; Н. 8, № 494; Н. 15, № 414; Н. 17, № 343; Н. 23, № 767–768; Н. 25, № 277; 21, № 8360–8363]. Ульм, впрочем, император покинул незадолго перед тем — он пребывал там с 9 до 13 декабря, 16-го оказался уже в Кемптене, а 23-го — в Инсбруке [16, Н. 17, № 343; 21, № 8349]. В любом случае что-то с этой грамотой не так. Заподозрить здесь ошибку в году, допущенную переписчиком исходного столбца или же — позже — составителем Посольской книги, как и допустить небрежность издателя, трудно. Указанный в грамоте 1488 г. далее верно раскрывается как тот, в который исполнился 48-й год правления Фридриха III в качестве короля Римского (избран курфюрстами

в феврале 1440 г.), 36-й — в качестве императора (короновался в Риме в марте 1452 г.), 29-й — в качестве короля венгерского (выбран таковым в феврале 1459 г.). То ли в Москве неправильно прочитали дату, то ли по каким-то соображениям грамота Фридриха III была датирована примерно двумя неделями позже, чем она ее составили на самом деле. Впрочем, и такая поправка не вполне объясняет стремительность перемещений Поппеля: он вовсю ведет переговоры в Москве, получив уже третью по счету аудиенцию 31 января 1489 г. [3, стб. 8], т.е. спустя всего полтора месяца после подписания императором верительной грамоты в Ульме. Неужели санный путь действительно обеспечивал столь высокую скорость передвижения?

Как бы то ни было, на этот раз к Поппелю отнеслись серьезно, выслушали его внимательно и снарядили встречное посольство. Естественно, возникает вопрос: что именно знали к тому времени при московском дворе о Священной Римской империи, ее императорах и князьях и как сам великий князь или же, скажем, дьяк Федор Курицын, занимавшийся в тот раз внешними делами, представляли себе партнеров по переговорам? Конечно, Москву должны были нередко навещать ливонские немцы, да и помимо них или, скажем, поляков, даже выходцы из Литвы могли, возможно, поведать о каких-либо деталях имперского устройства. Однако какие из этих сведений оказывались в «оперативном распоряжении» московского двора, на какие данные там могли опереться в переговорах?

Даже одно лишь легковесное предложение Поппеля заключить брак между дочерью (или даже двумя дочерьми) Ивана III и кем-либо из молодых имперских князей должно было потребовать немалой аналитической работы. Ведь в качестве женихов для Феодосии (1475 —?) и Елены (1476–1513)⁴ предлагались в первую очередь Альбрехт, маркграф Баденский (1455–1488) («князь Маркрабий») [3, стб. 6], а во вторую — Иоганн герцог Саксонский (1467–1532) и Зигмунд, маркграф Бранденбургский (1468–1495) [3, стб. 12], при том что первый приходился племянником императору, а двое других если и не являлись сами курфюрстами, то были сыновьями курфюрстов (Эрнста Веттина и Альбрехта III Ахилла Гогенцоллерна соответственно) и могли при благоприятном стечении обстоятельств унаследовать титулы своих отцов. Почему из многочисленных

⁴ [10, особенно с. 361–365] — о сложностях с выяснением как дат рождения и смерти детей Ивана III, так и их имен.

германских принцев Поппель выбрал именно эту троицу потенциальных женихов, сказать трудно, но, скорее всего, он встречал их в своих путешествиях, и они ему то ли особо приглянулись, то ли наоборот⁵.

Правда, в одном случае силезец, кажется, запутался. Предлагая руку Иоганна Саксонского, он утверждал, что тот «есть Конверстемь теперь» (то есть стал курфюрстом после недавней кончины отца в 1486 г.), что лет ему «двадцать и два», что у него имеется меньший брат «Фредериг», который живет с ним, и, наконец, что их отец (герцог Эрнст) приходился племянником императору. Последнее справедливо, но старшим сыном был как раз Фридрих (будущий покровитель Лютера Фридрих Мудрый), и это он унаследовал курфюршество, а вовсе не Иоганн. В 1488 г. Фридриху было 25, а Иоганну—ровно 20—Поппель ошибся и в возрасте обоих. Впрочем, похоже, два последних брачных предложения были вдохновленной импровизацией, призванной разрядить обстановку на аудиенции, принявшей неприятный для него оборот.

Чтобы оценить выгодность сделанных Поппелем предложений, Федору Курицыну и тем, кто вместе с ним должен был давать верные советы великому князю, необходимо было ориентироваться в сложном политическом устройстве Священной Римской империи, в ее географии и генеalogических связях как правящих Габсбургов, так и как минимум двух других княжеских династий—Гогенцоллернов и Веттинов.

Можно с удовлетворением отметить, что советники великого князя, кем бы они ни были, проявили достаточно компетентности, чтобы осознать относительно низкий статус маркграфа Баденского по сравнению с курфюрстами, даже несмотря то что он императора «сестры сын есть» [3, стб. 14], хотя, исходя из собственного политического опыта, могли бы расставить оценки обратным образом—и тем самым ошиблись бы.

«А о котором Маркграфие говорил Николай, ино его земля блиско Рены реки, город Падн; а Паморского Маркграфия, что Цесаря выбирают, ниже местом» [3, стб. 14]. Одна неточность здесь есть, но она невелика: маркграф Баденский именуется таковым, разумеется, по названию целой своей области (действительно лежащей по правому

⁵ Во всяком случае Альбрехта Баденского он вполне мог видеть на Нюрнбергском рейхстаге 1487 г. [17, S. 624], а с Зигмундом был знаком наверняка, поскольку бывал в гостях у его отца, Альбрехта Ахилла, ездил с тем на охоту и даже брал от него рекомендательные письма к чешскому королю для продолжения своих странствий [11, S. 335–336].

берегу Рейна), а не одного лишь города. Что же до имперской иерархии, то маркграфу Баденскому, конечно же, полагается место ниже курфюрста Бранденбургского, но руки последнего (старшего из трех братьев Гогенцоллернов) Поппель в Москве и не предлагал.

Готовность Поппеля сосватать дочкам великого князя двадцатилетних сыновей двух курфюрстов—Бранденбургского и Саксонского—заставила кого-то из советников Ивана III, быть может, самого Федора Курицына, составить краткий, но весьма выразительный меморандум о германских курфюрстах («А се написано памяти для»).

«Выбирают на цесарство на Римское Цесаря три светских, а три духовных [князя]: светские: Фалскравь князь Филиппуский, княжение его на Рене на реке; да Саксонский князь; да Маркрабий Паморьский, живет близко Любка. А духовные: бискуп Менць на Рене; да бискуп Тирский, да бискуп Колонский» [3, стб. 13]. Этот абзац внутренне противоречив—создается впечатление, что у него не один, а два автора. Первый—человек сведущий, второй же записывал его слова, не всегда точно улавливая, что именно ему говорится. Действительно, все перечисленные князья—три архиепископа: Майнцский, Кёльнский и Тирский, а также три светских: пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский,—относятся к числу курфюрстов⁶. Правда, духовные князья здесь почему-то перечисляются после светских, а не наоборот, как было принято повсеместно. Да к тому же архиепископ Тирский назван раньше архиепископа Кёльнского, что является еще одним отступлением от традиции. Зато трое светских князей (в которых вообще-то запутаться проще) названы в правильном порядке. Такая странность позволяет осторожно предположить, что «первый автор»—не клирик, а человек светский. Впрочем, не вызваны ли отклонения в порядке перечисления князей вмешательством «второго автора»? Он мог не успевать записывать, прося повторить, а потом переставляя слова рассказчика в новом порядке.

Зато совсем уж четкий автограф «второго автора» остался в самом начале пересказываемого абзаца: «Фалскравь князь Филиппуский». Этот странный оборот можно объяснить лишь тем, что эксперт называет не только княжеский титул, но и имя правящего пфальцграфа—Филипп (что совершенно верно), но тот, кто записывает его показания, почему-то не узнает имени собственного, приняв

⁶ Об институциональной роли курфюрстов в позднесредневековой Империи см. [19].

его за какой-то очередной сложный титул. Только таким образом из сочетания слов «Pfalzgraf Philipp» смог получиться загадочный перевертыш «Фалскравъ князь Филипушкий», в котором даже сам пфальцграф Филипп Чистосердечный (1448–1508) вряд ли сумел бы себя узнать.

Роль «второго автора» проявилась еще и в ином. Его бывалый собеседник должен был хорошо знать, что курфюрсты избирают не «Цесаря» (императора), а короля Римского, которому еще только предстояло стать императором. Раньше для этого необходимо было отправляться в Рим, к папе, отчего люди поколения Поппеля не могли даже помыслить, что императорских коронаций в Риме больше никогда не будет. Коронование Фридриха III, состоявшееся в 1452 г., оказалось последним: Максимилиан в 1508 г. провозгласит себя императором в Тренто, а Карл V в 1530 г. получит корону в Болонье.

«Первый автор», видимо заметил, что «второй» не вполне улавливает различие между королем Римским и императором, и попытался его растолковать. «Второй» записал: «А пръвое учинять его Королем Римским, да потом Цесарем» [3, стб. 13–14]. Эксперт, видимо, силен объяснить как раз то, что сначала курфюрсты избирают Римского короля, а лишь «потом» тот становится Цесарем, т.е. императором. Московит же понял дело, очевидно, так, будто курфюрсты то ли собираются на свои заседания дважды, избирая одного и того же кандидата сначала в короли, а потом в императоры, то ли осуществляют эти две промоции на одном и том же заседании: одну сразу после другой. Поэтому он и остался в конечном счете при том мнении, что курфюрсты «выбирают на цесарство на Римское Цесаря». Очевидно, «консультант» не стал расписывать трудности походов германских государей в Италию за императорской короной, может быть, полагая, что вопрошающий наверняка хоть что-нибудь да слышал об этих экспедициях. Однако, похоже, он заблуждался: в «меморандуме» и далее последовательно говорится об императоре как избраннике курфюрстов: «А выбирают на цесарство из Немецких Государей кого хотят; а будет спор межи теми, которые выбирают, и они назовутся на Ческого Короля; кого захочет Ческой король, той будет Цесарь».

Это место из «меморандума» особенно интересно, тем более если вспомнить, что последние выборы главы Империи проходили всего около двух лет перед тем — незадолго до первого визита Поппеля в Москву. Избрание Максимилиана I (1459–1519) королем Римским интересовало весьма многих, судя хотя бы по количеству

инкунаブル, посвященных этому событию [18, S. 8–12; 27–28]. Оно было первым в Империи, которое так широко освещалось благодаря новейшему и мощному техническому средству, всего лет за тридцать до того изобретенному Иоганном Гутенбергом — печатному станку.

Человек, хорошо знакомый с ходом выборов 1486 г., прежде всего вряд ли стал бы категорично утверждать, будто курфюрсты «избирают, кого хотят»: все-таки Максимилиан был сыном и наследником правящего императора Фридриха III. Конечно, верно, курфюрсты в принципе избирают кого хотят. Однако на практике они сначала сократили до трех число княжеских династий, на которые их свободное желание могло распространяться — это Люксембурги, Виттельсбахи и Габсбурги, — а потом стали отдавать явное предпочтение близким родственникам правящего государя. Еще с выборов 1437 г. началась та череда неизменных избраний Габсбургов на имперский престол, которая прервется ненадолго лишь однажды — в XVIII в. Впрочем, существенное то, что человек, знакомый не только понаслышке с ходом выборов 1486 г., не стал бы настаивать на неполноправии короля Чешского, получающего право голоса, якобы только в случае, если голоса «настоящих» курфюрстов разделятся поровну между двумя претендентами.

Действительно, в 1486 г. короля Чешского на выборы не позвали, что спровоцировало его на решительный протест, оформленный юридически — в соответствии с нормами имперского права. Спор из-за этой жалобы разгорелся довольно громкий, но аргументация ни одной из сторон не сворачивала тогда на обсуждение вопроса о якобы ограниченном избирательном праве этого государя [5, S. 187–195]. Сомнения насчет прав короля Чехии тогда высказывались разного свойства, хотя в основе всех их лежало, наверное, прежде всего опасение добрых католиков, что Чехия из-за гуситов превратилась в рассадник опасной ереси. Конечно, на смену совсем уж сомнительному королю-утраквисту Йиржи из Подебрад в 1471 г. пришел католик Владислав II Ягеллон, но ведь в 1485 г. он подтвердил свободу вероисповедания в Чешском королевстве, т.е. проявил досадную терпимость к гуситской ереси. Тем не менее, в 1489 г. спор по поводу недопущения короля Чешского к избранию главы империи был окончательно решен — полным удовлетворением жалобы обиженного короля Чешского. Другое дело, что среди людей, мало сведущих в имперской политике, выборы 1486 г. могли породить всякие домыслы для объяснения неполного состава коллегии избирателей.

Как бы то ни было, из приведенного пассажа с очевидностью следует, что к 1489 г. до московского двора все еще не дошла т.н. Золотая булла 1356 г.—собрание имперских установлений, которое еще и сегодня иногда называют «первой конституцией Германии». Далеко не сразу после провозглашения, но примерно с 1410—1411 г. этот документ начинает приобретать широкую известность: его переписывают, переводят с латинского языка на немецкий, печатают типографским способом, комментируют. А самое главное, на него ссылаются при организации выборов всякого нового короля Римского. Более того, Золотую буллу теперь понимают именно в качестве главного документа, регламентирующего ход такого избрания, хотя (вопреки распространенному среди ученых мнению) задумывался он, видимо, прежде всего с другими целями [6]. Королю же Чешскому в Золотой булле отводится весьма почетное первое место среди светских курфюрстов, с которого он даже отодвигает пфальцграфа. Ни на какое ограничение избирательного права чешского короля в Золотой булле, конечно же, нет ни единого намека.

Тем не менее ошибку, допущенную в «меморандуме Федора Курицына» (обозначение, естественно, сугубо условное), никак нельзя счесть произвольной. Стоявшая за ней правовая идея была слишком сложной, чтобы ее могли сходу изобрести при московском дворе. Эта ошибка, как ни странно, воспроизвела одну «альтернативную» правовую теорию, повторявшуюся некоторыми немецкими правоведами и хронистами в XV в., но родившуюся, видимо, еще в XIII в.—притом даже не в императорской канцелярии, а при папской курии [12, S. 91—94].

Между 1262 и 1271 гг. кардинал-епископ Остиенс Энрике (Генрих) Сузанский (ок. 1210—1271) высказывает как само собой разумеющееся мнение о «всего лишь дополнительном» голосе короля Чешского в своем комментарии («*Lectura sive Apparatus super quinque libris decretalium*»⁷) к знаменитой декреталии *Venerabilem* (1202 г.) папы Иннокентия III [7, P. 505—507, Nr. 398]. Приняв во внимание, что Энрике Сузанский (он же Остиенс) был едва ли не самым известным и авторитетным знатоком канонического права в Латинской

⁷ «<...> illis sc. Moguntino, Coloniensi, Trevirensi archiepiscopis, comiti Rheni, duci Saxonie, marchioni Brandenburgensi. Et septimus est dux Boemie, qui modo est rex. Sed iste secundum quosdam non est necessarius, nisi quando alii discordant; nec istud ius habuit ab antiquo, sed de facto hoc hodie tenet». [24, S. 31—32].

Европе, а декреталия *Venerabilem* и комментарии к ней изучались всеми юристами, понятно, почему его учение и в отношении короля Чешского обречено было стать классическим. Из крупных правоведов его позже разделяли, например, знаменитый итальянский декреталист Джованни д'Андреа (ок. 1270—1348) или эльзасский правовед Петер из Андлау (ок. 1420—1480), написавший первый компендиум по правовому устройству Священной Римской империи «*Libellus de Cesarea Monarchia*»⁸.

Впрочем, та теория, которую Остиенс то ли сам выработал, то ли, возможно, воспринял от кого-то при поездке по германским землям, получила в XIV—XV вв. известность не только у юристов. Даже майстерзингер Конрад Мускатблут (сочинявший с 1415 по 1438 г.) пропел о ней в одной из песен⁹. До сих пор, впрочем, историки не обращали внимания на соответствующее место в «Хронике Констанцского собора», написанной швабским клириком Ульрихом из Рихенталя (ок. 1360—1437)¹⁰. И уж тем более никто пока что не связывал уверенное суждение Ульриха с тонкой поэзией Мускатблута. Между тем оказывается, что у этих двух сочинителей имелось нечто общее: они оба присутствовали на Констанцском соборе (1414—1418), хотя, разумеется, и не принимали участия в его заседаниях. Естественно предположить, что именно собор в Констанце—крупнейшее собрание церковной и светской знати, а заодно и всего цвета канонистики—должен был способствовать распространению мнения Энрике Сузанского. Оно, впрочем, так и осталось мнением, пускай и широко известным. На практике курфюрсты не принимали его во внимание и не пытались свести

⁸ «De consuetudine tamen rex Bohemie ad eleccionem non vocatur, nisi cum vota aliorum sunt equalia numero, et sic hodie practicatur. Quod verum est, dummodo persistat in unione sancte matris ecclesie; alioquin si duo electi pari vota haberent, ad Papam recurrentum esset, qui unum ex illis, quem vellet, eligere posset...» [14, P. 78]

⁹ «Abe si da ynne eyn tweidracht han, so ist oberman / Ein kunyng genant uß Behemer lant, / Den nymant mach geletzen». [23, S. 253].

¹⁰ «Der küng von Beham, der ist als ein gemain man und als ain schidman und ist nit ain churfürst, dann ob sy sechs stritten wurden. Wär aber, das die sechs an der wal ains Römschen künges stritten wurden, also das dry ainen nämen und dry den andern, und also das maist nit under in werden möcht, so sond sy den küng von Beham beschicken, der ist denn als ain obervogt und ain gemainer man, und dem iren strit fürlegen. Und welhem er under den zwainen, umb die sy denn strittig sind, sin stirn gibt, der ist dann Römscher küng» [20, S.153].

участие чешского коллеги только к скромной роли посредника при выборах, зашедших в тупик.

В результате портрет «консультанта Федора Курицына» начинает прорисовываться, хотя и лишь в самых общих чертах. Прежде всего не похоже, чтобы он принадлежал к духовному чину, да и вряд ли католического священника охотно привлекали бы для серьезных политических консультаций во дворце. Это в Новгороде архиепископ Геннадий мог использовать ученого доминиканца Вениамина — правда, преимущественно в скромном качестве переводчика латинских текстов. Заявление нашего эксперта, что курфюрсты «выбирают кого хотят», можно истолковать даже в антикуриальном смысле: он, похоже, не признает давних претензий пап римских на право проверять и утверждать в сане кандидата, избранного курфюрстами. В любом случае «первый автор» предстает человеком образованным, с широким политическим кругозором, скорее всего даже учившимся праву, притом не только гражданскому, но и каноническому.

Он знает, помимо прочего, какие князья правят сейчас в разных частях Германии — как на севере, так и на юге — на ком они женаты, каковы их другие родственные связи. Чтобы сделать свой рассказ понятнее, он старается отсылать собеседника для ориентировки лишь к самым известным географическим объектам, которые наверняка должны быть широко известны: к Рейну и Любеку. (Баден действительно вытянулся вдоль Рейна, но вот Бранденбург лежит не так уж «близко Любка», не говоря уже о резиденции, в которой обычно «живет» «Маркграф Паморский» [3, стб. 13] — здесь явно пришлось упростить дело для лучшего понимания.) В то же время с политической практикой на имперском уровне консультант знаком недостаточно — среди его сведений есть либо устаревшие, либо сугубо теоретические. И, наконец, еще один недостаток эксперта: он не говорит по-русски, отчего собеседник его местами недопонимает.

Впрочем, по рассказу Посольской книги можно проследить и нарушения другого рода в передаче информации. Выяснив, что «князь Маркграф» Альбрехт Баденский, племянник императора, стоит ниже в имперской иерархии, чем «Маркграф Паморский», «второй автор» продолжает: «а королева зятя Маркграфия выше; а тот королев зять Маркграфий живет близко Норберга <...>» [3, стб. 14].

Что за король здесь неожиданно появляется в рассказе? Уж, конечно, не новый король Римский, сын и наследник императора, Максимилиан I. У него только одна дочь — восьмилетняя

Маргарита — и она растет при французском дворе, готовясь выйти замуж за восемнадцатилетнего короля Франции Карла VIII — правда, браку этому не суждено состояться. Когда московский канцелярист пишет о «короле», не уточняя о каком именно, он обычно имеет в виду короля Польского. И действительно, в «меморандуме», посвященном немецким женихам для Феодосии и Елены, а заодно и политическому устройству империи, ближе к концу резко меняется угол зрения. В центре внимания оказывается так и не названная по имени фигура короля Польского и великого князя Литовского Казимира IV Ягеллончика (1427—1492), позднего сына Ягайло. У него действительно две дочери выданы за немецких князей. «Второй автор» начинает, вопреки обыкновению, с младшей — Софии (1464—1512). Понятно почему: она теперь супруга старшего брата одного из предложенных женихов. Этот «королев зять Маркграфий» живет «близко Норберга». Эксперт опять приспособливает сложные географические обстоятельства Германии к возможностям своего интерьюера: уж о «Норберге» тот должен был что-то слышать... Нам, правда, стоит по достоинству оценить не только деликатность, но и компетентность «консультанта», обладавшего знаниями, для Московии отнюдь не тривиальными, и при этом точными.

Действительно, недалеко от Нюрнберга лежит город Ансбах, где находилась резиденция маркграфов Бранденбургских из дома Гогенцоллернов — исторически бургграфов Нюрнбергских. Там любил жить могущественный Альбрехт III Ахилл (1414—1486) и там же взрастали трое его сыновей. Старший — Иоганн, прозванный со временем за любовь к гуманистических штудиям Цицероном (1455—1499) — унаследовал в 1486 г. курфюршество и впервые сделал княжеской резиденцией малоизвестный бранденбургский городок Берлин. Среднему — Фридриху (1460—1536) — тогда же достался Ансбах (с франконскими землями), а младшему — Зигмунду — пришлось довольствоваться скромным, но симпатичным Кульмбахом (с крепостью Плассенбург и прочими семейными владениями в окрестностях Байройта). Интрига здесь состояла в том, что Фридрих был женат на дочери Казимира IV, а Зигмунда Поппель предлагал женить на дочери великого князя Ивана III, что само по себе создавало непростую ситуацию. Поппель не скрывал от людей великого князя наличия таких потенциальных родственников, а даже, похоже, выдавал это за дополнительный бонус. Представляя Зигмунда, он заметил: «....А его брат старейший зять Королю Польскому, а их три брата» [3, стб. 12].

Помимо всего прочего, «второй автор» по-видимому, записывал не все, что слышал. Еще раз перечитаем все то же место: «А о котором Маркрабие говорил Николай, ино его земля близко Рены реки, город Падн; а Паморского Маркрабия, что Цесаря выбирают, ниже местом, а королева зятя Маркрабия выше <...>» [3, стб. 14]. На каких весах удалось выяснить, что Альбрехт Баденский весомее Фридриха I Бранденбургского («королёва зятя»), сказать трудно. Напротив, не вызывает сомнения, что Альбрехт Баденский уступает по значению любому курфюрсту. Вот только старшим в семье Гогенцоллернов и, соответственно, Бранденбургским курфюрстом был Иоганн Цидерон, тогда как потенциальный жених Зигмунд — напротив, младший из трех единокровных братьев — должен оказаться «ниже местом» «королёва зятя». Почему разговор без всякого предупреждения здесь переходит на старшего из трех братьев, ранее ни разу еще не упоминавшегося Иоганна Цидерона? Не особо внимательный читатель может решить, будто речь идет о Зигмунде и бросится выдавать за него дочь, хотя этот жених на самом деле самый незавидный.

Наконец, «польский экскурс» завершается замечанием о старшей дочери Казимира IV: «А другая королева дочь за Баворским князем за большим; а за меньшим за Баворским князем за Олбрехтом за Мниховским цесарева дочи Фредрикова» [3, стб. 14]. «Большим Баворским князем» авторы называют, несомненно, Георга Богатого (1455–1503), женившегося в 1475 г. (знаменитая «Ландсхутская свадьба») на Ядвиге Ягеллонке (1457–1502). Вторая половина этого сообщения тоже понятна: единственная дочь императора Фридриха III Кунигунда (1465–1520) вышла замуж за герцога Альбрехта IV (1447–1508) из мюнхенской — младшей — ветви дома Виттельсбахов. Случилось это за год до пересказываемого здесь диалога, так что сведения у «эксперта» довольно свежие. Впрочем, немудрено, ведь свадьба была скандальной: отец-император был решительно против и чуть не наложил на дочь имперскую опалу.

В результате проведенного разбора становится понятнее манера работы Федора Курицына и его помощников. При подготовке сложных решений они обращаются за устными консультациями к неплохо осведомленным иноземцам. Разговор ведется скорее всего не на латыни, а по-немецки (иначе вместо «Олбрехта» был бы «Альбертус», вместо «фалскрава» — «палатинус» и т.д.). Специалист по немецким диалектам, возможно, даже сумеет примерно определить область Германии, из которой происходит «приглашенный эксперт»:

в его краях говорят, например, не «Баден», а «Падн», не «пфальцграф», а «фалскравъ»¹¹.

Однако не стоит думать, будто московские посольские люди полагались лишь на устные консультации заезжих знатоков и вовсе не обращались к записям и книгам. Еще во время первого визита Поппеля его заставили составить список немецких князей. Он понял дело так, что у него хотели такой хитростью выманить образец почерка и проверить, не подделал ли он сам верительную грамоту императора — очевидно, в Москве ее не с чем было сравнить [3, стб. 5]. Однако такой перечень и сам по себе мог послужить полезным пособием Федору Курицыну и его помощникам.

Что же до книг, то влияние одной из них несомненно прослеживается в тексте наказа московскому послу Юрию Траханиту, который в сопровождении Поппеля в марте 1489 г. отправился со встречным визитом к Фридриху III. Книга эта — «Константинов дар». Из него в «память» для посла включена практически прямая цитата: «Во всех землях то ведомо, а надеемся, что и вам ведомо, что Государь наш, Великий Государь уроженый изначала от своих праородителей; а и наперед того от давних лет праородители его по изначальству были в приятельстве и в любви с передними Римскими Цари, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии <...> Под «передними Римскими Царями» здесь подразумеваются, конечно, не Нуна Помпилий с Тарквинием Гордым, а римские императоры, в числе которых и Константин Великий, хотя его имя не называется, и его преемники. Следовательно, именно с этими государями, оказывается, пребывали «в приятельстве и любви» неуказанные «праородители» Ивана III.

Как ни странно, историки очень мало внимания уделили этому абзацу, хотя здесь мы имеем дело по сути дела с самой первой попыткой определить место московской династии в иерархии европейских правителей. Ни о «Третьем Риме», ни о близких родственниках Оклавиана и праородителе Прусе речи пока не идет, но необходимость каким-то образом присоединить московских князей к римской императорской традиции уже осознается. Для этого требуются исторические сведения, а в качестве их надежного источника используется

¹¹ Специалист же по славянским диалектам, возможно, сумеет определить, из каких областей происходили те толмачи и писари, которые передавали содержание как посольских грамот, так и речей посланников по-русски со множеством полонизмов. См. об этом уже в: [4, с. 233].

«Константинов дар». Именно на него указывает не только описание ситуации передачи императором города Рима в дар папе, но и непривычное русскому уху именование Царьграда Византием. Между тем оно в данном контексте, несомненно, восходит в конечном счете к латинскому оригиналу «Константина дара»¹². Ведь ту же самую черту верно воспроизвел сначала греческий перевод, а затем и сделанный, видимо, с него же славянский¹³. На Руси «Вено Константина» в XV в. уже было известно и со временем получило здесь даже более широкое распространение, чем у греков [2, с. 41, 47–48].

Чем столь давняя история могла помочь князю Московскому в завязывании диалога на равных с западным императором — после 1456 г. единственным императором христианского мира? И к чему здесь было поминать римского епископа Сильвестра, принявшего щедрый дар Константина и передавшего его своим преемникам на престоле св. Петра? Ведь всего пару месяцев назад «второй автор», похоже, не знал (несмотря на все делавшиеся ему намеки) даже того, что императорами становятся, приняв венец в Риме из папских рук. Объяснение здесь, вероятно, может быть такое. Фридрих III — император Священной Римской империи. Как достоверно свидетельствует «Вено Константина», Рим и вся западная часть древней империи была отделена императором Константином и передана в управление папе Сильвестру, тогда как сам император остался править на Востоке. Если «Рим отдали папе», то понятно, что только тогда и возникла политическая традиция, которую представляет Фридрих III. Константин же и идущая от него царская власть — это цари «передние» — и более древние, и более легитимные. Тем самым наша же, московская, власть оказывается и древней и, так сказать, воистину коренной, а не каким-то ответвлением от основного дерева, как у некоторых. Отсюда вытекает вполне логичный практический вывод: «Ино такому Великому Государю как давать своя дочи за того Маркрабия?» [3, стб. 17]. Разве что родной сын самого императора — Максимилиан — мог бы, пожалуй, подойти. (О возможности такой партии Поппеля в Москве спрашивали, но он ответил, что

¹² «Unde conqrum prospeximus, nostrum imperium et regni potestatem orientalibus transferri ac transmutari regionibus et in Byzantiae provincia in optimo loco nomini nostro civitatem aedificari et nostrum illic constitui imperium...» [8, S. 94 (13)].

¹³ «Отнудо же соудиХомъ нашему царству и его славѣ на вѣсточныхъ страны прѣселитися, въ мѣсто Византії, краснейшее мѣсто, въ нашемъ имени градъ създавше, тамо царство наше оутвердимъ» [2, с. 78, 80].

король Римский уже женат [3, стб. 18]), что не соответствовало действительности, ведь Максимилиан в 1482 г. овдовел.

Однако каким образом можно было сконструировать связь между Иваном III и его «прародителями», приятельствовавшими с Константином Великим? Здесь, конечно же, первым делом вспоминается венчание Ивана III с Зоей (Софьей) Палеолог в 1472 г. О значении этого брака для легитимации московской династии и складывания ее политической идеологии написаны горы книг. Тем удивительнее, что авторы многочисленных исследований, похоже, прошли мимо едва ли не самой ранней формулировки концепции преемственности от Римской империи к Московскому княжеству. И Софье Палеолог в ней отведено отнюдь не самое заметное место.

Приведенная выше цитата из «памяти» для посла была нами оборвана на том, что Константин передал папе Рим и удалился царствовать в Византий. Непосредственное продолжение той же фразы звучало так: «Да и отец его [т.е. великого князя Ивана III], Государь наш, и до конца был с ними в братстве и в приятельстве и в любви и до своего зятя до Ивана Палеолога Римского царя <...>».

Напомним, «они» — это «передние Римские Цари, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии». «Исторический материал», предоставляемый «Константиновым даром» здесь перерабатывается и переосмысливается: фигура Константина как бы бесконечно разрастается до персонификации всех римских и византийских государей: это они (как своего рода корпорация, растянутая во времени) отдали Рим папе, а не один лишь Константин. Из одного «достоверно известного» факта об уступке Рима здесь выстраивается целая история, уходящая и в прошлое — к самым что ни на есть «передним Римским Царям» — и в будущее — вплоть до времен Ивана III и Федора Курицына.

Концепция получилась, конечно, несколько туманная, но мастерская, почти гениальная, если принять во внимание катастрофическую нехватку убедительного (и для партнера по переговорам тоже) исторического материала. Хотя бы в отношении «Константина дара» Федор Курицын был, наверное, уверен, что советники Фридриха III тоже должны воспринимать его в качестве правильного отображения минувшего.

Итак, неопределенные «праодители» Ивана III приятельствовали со столь же неопределенными «передними царями», но роль ближайшего предка нынешнего князя особо подчеркнута — это отец великого князя «Государь наш», который «до конца» был

с «передними царями» «в братстве и в приятельстве и в любви, и до своего зятя до Ивана Палеолога Римского царя». Вот, пожалуй, ключевая фраза всей концепции. Главный легитимирующий эпизод из прошлого, действительно, оказывается браком, но не Ивана III с Софьей Палеолог. Дед великого князя (почему его здесь решили назвать отцом, особый вопрос) Василий I Дмитриевич (1371–1425), как известно, был женат на Софье Витовтовне, проявившей себя после смерти мужа как незаурядная правительница. Мало кто помнит, что их старшая дочь Анна (1393–1417) в 1411 или 1414 г. была выдана замуж за юного византийского царевича, соправителя своего отца и будущего императора Иоанна VIII Палеолога (1392–1448). Он и был тем «зятем Иваном Палеологом, Римским царем» или же «Иваном Мануиловичем» русской летописи. Возможно, до своей ранней кончины Анна Васильевна успела даже вместе с мужем побывать на царском престоле [1].

Почему Ивану III важно подчеркнуть брак Анны Васильевны, а не свой собственный? Наверное, прежде всего потому, что речь идет о раздаче княжеских дочерей. Посланник должен объяснить расстроенному князю Маркрабию, почему он — неподходящая пара. Подходящим же зятем может быть только императорский сын Максимилиан [3, стб. 17]. Однако не содержит ли тут и другой мотив? Раз зятья считаются младшими в семье, не выгоднее ли для повышения собственного престижа числить в зятьях константинопольского царевича, нежели самому представлять в качестве зятя другого царевича? И не ради этого ли заодно «приближен» на одно поколение брак Анны Васильевны? Благодаря этой подтасовке император Иоанн VIII оказался на одной генеалогической ступени с Иваном III, но при этом его зятем, т.е. младшим членом семьи. В действительности, как мы помним, все было наоборот: Иван III приходился зятем брату Софии Палеолог Андрею, носившему nominalnyy titul konstantinopolskogo imperatora. Но при взгляде из Москвы не столь комфортное положение зятя, предполагающее иерархичность отношений, легко можно заменить на отношения братские, подразумевающие их равенство — тем более когда речь идет об отношениях с братом жены, а не с ее отцом. Не потому ли в инструкции для посла к Фридриху III появляется идея «братьства», якобы связывающего отца московского князя с «передними царями»? Кем был в соответствии с этой логикой сам Иван III? Ни в коем случае не мужем Софии Палеолог, как всегда подчеркивается в литературе. Благодаря своему браку он стал братом Андрея Палеолога.

Сколько воспето у нас легитимирующее значение для московского княжеского дома самой Софии и сколько мало внимания обращалось на то, что она, возможно, была значима вовсе не сама по себе, а всего лишь в качестве связующего звена, превратившего московского князя в брата «переднего царя».

В любом случае дату составления «памяти» для отправляющегося к Фридриху III посла Юрия Траханиота — 22 марта 1489 г. — стоит запомнить. Возможно, именно тогда была сделана самая первая — еще осторожная и неуверенная — попытка обосновать равенство ранга московского князя как с западными, так и с восточными императорами.

На этом величественном фоне попытка Николая Поппеля выдать дочерей Ивана III за каких-то второразрядных немецких князей выглядит, конечно, смехотворной. Тем не менее для полноты картины стоит выяснить, что произошло с этими неудачливыми «женихами», даже не догадывавшимися о том, что их сватают на самом краю света и что у них имеется слабый шанс стать близкими родственниками «короля московитов».

Хуже всего дело обстояло со старшим из них — «князем Маркрабием» — Альбрехтом Баденским, племянником императора, о котором говорилось больше всего и которого поручалось утешить Юрию Траханиоту. На самом деле необходимости в психотерапии не было никакой: тридцатидвухлетний Альбрехт был сражен пулей еще в июле 1488 г., воюя во Фландрии за дело своего двоюродного брата Максимилиана I. О его смерти не знал ни Поппель, ни анонимный «эксперт по делам германским и польским», ни Федор Курицын, ни великий князь Московский. Печальная весть все еще не достигла никого из них и в марте 1489 г. То, что покойный с тридцатилетнего возраста был помолвлен и как раз приступил всерьез к подготовке свадьбы с дочерью графа Саарбрюккена, уже не могло иметь никакого значения [17, S. 625–626].

Иоганн Саксонский, напротив, лишь немногим не дотянет до шестидесятипятилетия. Он будет помогать своему старшему брату Фридриху управлять Саксонией, переживет его и последние восемь лет жизни сам будет украшен мантией и беретом курфюрста. Как и брат, Иоганн будет покровительствовать Лютеру и много сделает для дела Реформации. Женат будет дважды — в 1500 г. на мекленбургской принцессе, в 1513 — на анхальтской.

Зигмунд Бранденбургский окажется редким гостем в своих живописных байройтских владениях: едва ли не все время он будет проводить в военных походах — в войске Максимилиана I [22].

Никогда не женится, не оставит потомства, не доживет до тридцати лет. Его кончина позволит вернуть выделенный было для него удел в общее владение Гогенцоллернов. Из трех «женихов» сколько-нибудь перспективным был, оказывается, только один.

Библиографический список

1. Медведев И. П. Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 30. 1976. С. 255–262.
2. Павлов А. С. Подложная дарственная грамота императора Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе // Византийский Временник. Вып. 3. 1896. С. 18–82.
3. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851.
4. Хорошевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.
5. Begert A. Böhmen, die böhmische Kur und das Reich vom Hochmittelalter bis zum Ende des Alten Reiches. Studien zur Kurwürde und zur staatsrechtlichen Stellung Böhmens. Husum, 2003 (Historische Studien, 475).
6. Bojcov M. A. Der Kern der Goldenen Bulle von 1356 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2013. Bd. 69. S. 581–614.
7. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. Т. 2. Hannover, 1896 (Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio IV., 2)
8. Das Constitutum Constantini (Konstantinische Schenkung). Text / Hrsg. von H. Fuhrmann. Hannover, 1968 (Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris, 10).
9. Fiedler N. Nikolaus Poppel, erster Gesandter Österreichs in Russland. Historisch-biographische Skizze. Wien, 1857.
10. Nitsche P. Die Kinder Ivans III. Beobachtungen zur Genealogie der Rjurikiden // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. Bd. 17. 1969. S. 345–368.
11. Paravicini W. Der Fremde am Hof: Nikolaus von Popplau auf Europareise 1483–1486 // Fürstenhöfe und ihre Außenwelt. Aspekte gesellschaftlicher und kultureller Identität im deutschen Spätmittelalter / Hrsg. von Th. Zott. Würzburg, 2004 (Identitäten und Alteritäten, 16). S. 291–337.
12. Perels E. Zur Geschichte der böhmischen Kur im 14. und 15. Jahrhundert // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. Bd. 45. 1925. S. 83–143.
13. Perrin Ch.-Ed. Une famille de marchands: les Popplau // Annales d'histoire sociale. Т. 3. № 3/4. P. 131–135.
14. Peter von Andlau. Kaiser und Reich. Libellus de Cesarea Monarchia / Hrsg. von R. A. Müller. Frankfurt am Main; Leipzig, 1998 (Bibliothek des deutschen Staatsdenkens, 8).
15. Reisebeschreibung Niclas von Popplau, Ritters, bürtig von Breslau / Hrsg. von P. Radzikowski. Kraków, 1998.
16. Regesten Kaiser Friedrichs III. (1440–1493) nach Archiven und Bibliotheken geordnet. Hefte 1–31. Wien; Köln; Graz, 1982–2016 (Regesta Imperii, 13).
17. Sachs J. Ch. Einleitung in die Geschichte der Marggrafschaft und des marggräflichen altfürstlichen Hauses Baden. Teil 2. Karlsruhe, 1767.
18. Schottenloher O. Drei Frühdrucke zur Reichsgeschichte. Leipzig, 1938 (Veröffentlichungen der Gesellschaft für Typenkunde des XV. Jahrhunderts — Wiegendruckgesellschaft. Reihe B: Seltene Frühdrucke und Nachbildungen, 2).
19. Schubert E. Die Stellung der Kurfürsten in der spätmittelalterlichen Reichsverfassung // Jahrbuch für westdeutsche Landesgeschichte. Bd. 1. 1975. S. 97–128.
20. Ulrich Richental. Das Konzil zu Konstanz MCDXIV–MCDXVIII. Bd. 2: Kommentar und Text. Starnberg; Konstanz, 1964.
21. Urkunden, Briefe und Aktenstücke zur Geschichte Kaiser Maximilians I. und seiner Zeit / Hrsg. von J. Chmel. Stuttgart, 1845 (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, 10).
22. Wendehorst A. Siegmund, Sigmund, Markgraf von Brandenburg-Kulmbach (1468–1495) // Lexikon des Mittelalters. Т. 7. Lachen am Zürichsee, 1999. Sp. 1871–1872.
23. Zeumer K. Die Goldene Bulle Karls IV. Teil 1. Weimar, 1908 (Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches in Mittelalter und Neuzeit, 2/1).
24. Zeumer K. Quellsammlung zur Geschichte der Deutschen Reichsverfassung im Mittelalter und Neuzeit. Tübingen, 1913.

**ВЕЛИКОЕ СТОЯНИЕ
НА РЕКЕ УГРЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ
РОССИЙСКОГО
ЦЕНТРАЛИЗОВАН-
НОГО ГОСУДАРСТВА:
ЛОКАЛЬНЫЕ
И ГЛОБАЛЬНЫЕ
КОНТЕКСТЫ**

- ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге.
ОР ГИМ — Отдел рукописей Государственного Исторического музея в Москве.
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.
ПИРСС — Памятники истории русского служилого сословия.
ПКМГ — Писцовые книги Московского государства.
Погод. — Собрание рукописей М. П. Погодина в ОР РНБ.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РГБ — Российская государственная библиотека.
РИБ — Русская историческая библиотека.
РИИР — Редкие источники по истории России. Вып. 2.
РНБ — Российская национальная библиотека.
РФА — Русский феодальный архив [Вып.] I—V.
Сб. РИО — Сборник Императорского Русского исторического общества.
Син. — Синодальное собрание рукописей в ОР ГИМ.
СПБДА — Санкт-Петербургская Духовная академия.
Т. (Тг.) — том (тома).
ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.—Л., 1950.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.
ф. — фонд.
цит. — цитируется.
Ч., ч. — часть.
AGAD — Archiwum główny akt dawnych (Варшава).
LM — Lietuvos Metrika.

АВТОРЫ И ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АЛЕКСЕЕВ Алексей Иванович, доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

АРАКЧЕЕВ Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий сектором социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).

БЕЛЯКОВ Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Российской истории РАН (г. Москва, г. Рязань).

БЕЛЯКОВА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН (г. Москва).

БЕРГОВСКАЯ Ирина Николаевна, кандидат философских наук, директор Института истории и права КГУ им. К. Э. Циолковского (г. Калуга).

БЕССОНОВ Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, генеральный директор Калужского объединенного музея-заповедника (г. Калуга).

БОЙЦОВ Михаил Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ (г. Москва).

БОЛДИН Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Калужского объединенного музея-заповедника (г. Калуга).

БОНДАРЕНКО Анна Федоровна, доктор исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Исторический архив» (г. Москва).

ВОЛОДИХИН Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, советник директора РИСИ (г. Москва).

ГОРСКИЙ Антон Анатольевич, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Центра источниковедения Института Российской истории РАН (г. Москва).

Научное издание

ВЕЛИКОЕ СТОЯНИЕ НА РЕКЕ УГРЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА:
ЛОКАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

*Материалы Всероссийской с международным участием
научной конференции*

На обложке использована репродукция диорамы «Великое стояние на Угре»
художника П. В. Рыженко

Ответственные редакторы:
И. Н. Берговская, В. Д. Назаров

Корректоры: *В. Н. Зайцева, Н. Г. Любомудрова*
Компьютерная верстка, дизайн *С. И. Захаров*

Издатель Захаров С. И. («СерНи»)
Тел. 8-910-914-95-30
E-mail: sergeizah@gmail.com

Подписано в печать 04.10.17. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Академическая.
Объем 26 п. л. Тираж 1000 экз. Зак. 6749.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
Тел.: 8(495) 745-84-28, (49638) 20-685
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru